

ФРАГМЕНТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ПОКОЛЕНИЯ¹

Н.А. Афанасов
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья представляет собой авторское размышление о ключевых чертах философского поколения, которое сформировалось в русскоязычном пространстве в 10-х годах XX века. Автор полагает, что релевантной теоретической оптикой для рассмотрения специфики, отличающей молодых людей, которые начинали свой путь в философии в эти годы, могло бы стать обращение к социологической типологии поколений. Согласно мнению авторитетного социолога Вадима Радаева, обозначенное философское поколение относится к «миллениалам». К числу ключевых характеристик, отличающих этих молодых людей, принадлежат замкнутость, увлеченность гаджетами и бытовой цифровизацией, отсутствие желания построения карьеры, неспособность встраиваться в крупные иерархические структуры. Опираясь на свой личный опыт, оформленный в виде кратких заметок о ключевых темах, формирующих интеллектуальное поколение – журналы, люди, книги, места, – автор предлагает читателю рассмотреть некоторые обстоятельства его личной интеллектуальной биографии, которые могли бы послужить свидетельствами, подтверждающими выдвинутую гипотезу. Не надеясь суметь «схватить» суть своего поколения, автор надеется, что его воспоминания могут оказаться полезными для последующего сравнительного анализа.*

Ключевые слова: *поколение, миллениалы, научные журналы, издательское дело, философское пространство России, поколенческие стратегии, фрагментация, автобиография.*

Предварим наше размышление о том философском поколении, к которому принадлежит автор, несколькими соображениями. Многим, кто всерьез интересовался прошлым, историей, известно, насколько сложно понять то, что принято называть словом «эпоха». Предположим, что до нас доходят – как физически, так и в виде списка «рекомендованной литературы» – лишь наиболее ценные и запоминающиеся письменные источники и артефакты. Легко заметить, что их авторы часто находились в плену иллюзий. Многие их прогнозы оказывались наивными фантазиями, а ряд оценок своего времени просто вызывает недоумение и удивление.

Безусловно, высокомерие здесь неуместно. Нет большой мудрости в том, чтобы укорять проигравшего на ставках в глупости, заранее зная результаты состязания. Обрисованное

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1071–1083.

выше лишь призывает к скромности в возможностях объективной оценки эпохи и своего места во времени. Слишком велик шанс продемонстрировать свою ограниченность или, говоря проще, выставить себя дураком. Историки, которые имеют доступ к большим массивам релевантных источников, работают с уже завершившимися историческими процессами и, даже несмотря на это, часто бывают далеки от понимания происходящего. Возможно, это субъективный критерий, но такие научные труды сразу опознаются и могут вызвать лишь кратковременный интерес, а после превращаются во всё менее различимый со временем информационный шум.

Сказанное не следует понимать как извинение за невозможность адекватно сказать то, что должно и нужно. Говорить о поколениях необходимо. По меньшей мере написанное недостаточно умно и складно может оказаться полезным тем, кто захочет понять, каков был язык самоописания того или иного поколения. Теоретическая сложность задачи должна не отвращать, но подталкивать к искренности. Ведь свидетельства и субъективные оценки могут оказаться более ценными для читателя, чем авторская рефлексия. Последняя, как мы уже сказали, подчас оказывается слишком наивной. Постараемся придерживаться этих принципов и будем надеяться, что читатель, если его когда-нибудь заинтересует этот очерк, найдет для себя что-нибудь полезное.

Говоря проще, писать о себе, своем поколении, продолжая оставаться частью живого исторического процесса, необычайно сложно. И эту сложность необходимо учитывать при попытке осмыслить свое место во времени. Проблема также состоит и в том, что на момент написания этого текста автору немногим меньше тридцати. Слишком рано, чтобы взглянуть со стороны на свой путь в философии. Слишком мало знаний и впечатлений для сравнения. Этот текст задумывается как одна из точек зрения, материал для сравнения с другими, расширяющий контекст, в котором он находится. Идея через формальное тематическое единство рубрик – события в интеллектуальной действительности, важные книги, наиболее выдающиеся представители поколения, влиятельные фигуры времени и многое другое – объединить тексты разных авторов в одну книгу как ничто иное могла бы послужить реализации этой задачи. То интеллектуальное насилие, какое пришлось над собой совершить по крайней мере некоторым авторам этого сборника, будет оправдано, если получившиеся материалы покажутся кому-то интересными.

Я могу сказать, что жанр автобиографии всегда был мне близок, и речь идет не только о том, что судьбы великих исторических деятелей как-то особенно интересны. Философию сознания в магистратуре у меня преподавал замечательный философ Давид Израилевич Дубровский. Он производил впечатление скромного и очень интересного человека. Джин Твенге, американский социальный психолог, занимающаяся проблематикой поколений, писала о том, что современным молодым людям проще общаться с реальностью через интерфейс интернет-поисковиков [Твенге 2019]. Я так и поступил, «загуглив» Давида Израилевича. К своему удивлению, я не только нашел его персональный сайт, но и через некоторое время обнаружил себя читающим его «Воспоминания» [см.: Дубровский 2009] о Великой Отечественной войне, советской науке, появлении первых школ карате в СССР и атмосфере 90-х. Тот опыт чтения оказался очень ценным. Возможно, эту книгу стоит прочитать каждому, кто хочет мыслить себя исторически.

Но вернемся к моему философскому поколению. Из сегодняшнего дня я, выпускник Высшей школы экономики, уже будучи сотрудником сектора социальной философии Института философии РАН, понимаю, что центром философского образования страны всегда был философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Наиболее интенсивная научная жизнь в области философских исследований разворачивалась там и в Институте философии РАН. Я же окончил бакалавриат, магистратуру и аспирантуру

в Школе философии Высшей школы экономики (когда-то это был «Философский факультет», да и сам вуз за время моего обучения был переименован). Одним из критериев философского поколения является единство коллективного опыта. В нашем случае это должен быть интеллектуальный опыт, выражающий специфику профессиональной деятельности. Это может быть и конференция, на которой состоялась важная дискуссия, и презентация какой-либо книги. Возможно, околополитическое или, без сомнения, политическое событие, которое могло бы затронуть ту сферу, в которой мы работаем.

Философский факультет Высшей школы экономики объективно был на обочине налаженной научной коммуникации между другими философскими центрами страны. Несмотря на то, что подавляющее большинство моих преподавателей были выпускниками Московского государственного университета, регулярно участвовали в проводимых там или в Институте философии научных мероприятиях, для нас, студентов, всё это было очень далеко. Впервые в осмысленном возрасте на философский факультет МГУ я попал уже после окончания магистратуры благодаря Александру Владимировичу Павлову, который пригласил меня на студенческий семинар по философии кино. В Институте философии я оказался даже раньше. Мой научный руководитель Борис Исаевич Пружинин рекомендовал мне посетить одну из конференций по теме моего диплома (когда-то я занимался эпистемологией, и надеюсь, не оставлю это давнее увлечение). За практически десять лет обучения я лишь дважды выбрался за пределы академического мира Высшей школы экономики. В действительности на уровне научной коммуникации та часть моих сверстников, с которыми мы учились, были оторваны от философского мира. К слову, я полагаю, что это было досадной глупостью, в которой не было никакого злого умысла с чьей бы то ни было стороны. Объективно научные связи очень тяжело налаживать².

Еще одним аспектом, который нельзя обойти стороной, была «обочина» не философского мира, но статусной иерархии факультетов Высшей школы экономики. В мой первый учебный день в университете – шел 2008 год – я понял, что практически никто из моих однокурсников не хотел учиться философии. Большинство во время общего знакомства, которое нам устроил замечательный историк Юрий Петрович Зарецкий, сообщило, что им не хватило баллов для поступления на более престижные направления, такие как политология, юриспруденция или мировая политика. К началу второго курса многих из этих ребят отчислили. Если в начале учебного года нас было около 110 человек, то на втором курсе уже около 60. Закончилось же философский факультет и вовсе человек 20 (включая тех, кто возвращался из бесконечных академических отпусков). Всё это важно, потому что на моем курсе не существовало предпосылок к складыванию какого-либо философского сообщества, где поощрялся бы интерес к философии. Насколько мне известно, моим младшим коллегам повезло больше.

Я же пришел на философский факультет благодаря Владимиру Владиславовичу Глебкину, кандидату философских наук, который основал Отделение теории и истории мировой культуры (ОТИМК) в Гимназии № 1514. В школе Владимир Владиславович давал нам читать яркие тексты многих мыслителей прошлого: от Платона и Августина до Ортеги-и-Гассета, Хайдеггера и Сартра. Но больше всего меня поражала его способность интерпретировать

² И в особенности это тяжело делать, когда общение отравлено предрассудками с обеих сторон. Думаю, для определения моего, да и более старших, поколения важно указать, что в годы моего студенчества я постоянно сталкивался (и продолжаю!) с точкой зрения, что в Высшей школе экономики люди занимаются философией только ради денег, что накладывает отпечаток на тематику проводимых исследований. Выражаясь языком миллениалов, «вышкинцы гонятся за хайпом». Только в науке. Со стороны же сотрудников ВШЭ я не раз сталкивался с мнением, что традиционные академические институты погрязли в «цеховщине» и не способны к качественной научной работе. Думаю, что обе представленные позиции в корне неверны и скорее отсылают нас к актуальной академической конкуренции или, в худших случаях, к личным обидам. Мой личный опыт говорит о том, что они обе являются сильным преувеличением и редко соответствуют действительности.

события, понимать жизнь и культуру. Мне хотелось получить образование там, где можно было бы научиться видеть в жизни смыслы, которые не сводятся к хозяйственной и экономической деятельности. Это тоже является приметой поколения, но уже нефилософского. Потребительский бум в России нулевых годов породил и контркультурную реакцию, стремление «к подлинности». Спустя годы я пойму, что я и некоторые мои знакомые были частью этого более общего культурного процесса.

Моя личная перспектива, сформированная годами обучения в достаточно ненаучной атмосфере, с одной стороны, осложняет возможность отнести себя к какому-либо философскому поколению. Появляется даже мысль, что и к философии я имею посредственное отношение. По крайней мере на уровне социального опыта. Это нужно зафиксировать и артикулировать, поскольку я часто слышал нечто подобное от коллег и знакомых. С другой стороны, в особенности учитывая, что в Институт философии попадают неслучайные люди, это очевидно не так. Значит, связь с философией у меня была. А те книги, люди и журналы, которые вошли в мой жизненный мир, как я это выяснил позже, могут претендовать на общезначимость. Историки античности знают, что сложнее всего восстановить бытовые детали прошлого. Та обыденность, что нас окружает, редко получает описание в литературных памятниках. Поэтому об одежде или пище древних греков, римлян и египтян мы знаем несравнимо меньше, чем об их ратном деле [см., к примеру: Casson 1999; Matz 2012]. Несмотря на то что современность отличается вниманием к повседневности, философы редко говорят о научном «быте», который окружает их творческий процесс. Поэтому попытаемся обратиться к тому, что обычно упускается из внимания.

Обращаясь к научным журналам, позволю себе вспомнить историю, которая произошла на одном из семинаров с Александром Фридриховичем Филипповым. Человек огромного ума и таланта, обладающий невероятным кругозором, он спросил студентов, читаем ли мы научные журналы. Никто не ответил. После этого он спросил, какие вообще научные журналы мы знаем. Кажется, не сразу, но спустя некоторое время кто-то назвал «Вопросы философии» и «Логос». К слову, я сам никаких других научных журналов в то время не читал и даже не знал, как и зачем это делать. О «Вопросах философии», впрочем, я знал от Бориса Исаевича Пружинина, а о «Логосе» из презентации одного из номеров, который проходил у нас на факультете³. Учитывая общую дистанцию вышкинцев моего поколения от философской жизни, вывод напрашивается сам собой: «Вопросы философии» и «Логос» были ключевыми журналами тех лет в сознании многих. Настоящую ситуацию отличает появление в сознании многих других названий, за которыми часто скрываются очень качественные продукты.

Институционально связав свою профессиональную жизнь с философией, научные журналы вошли в мою повседневность. Но важно не только то, что это произошло – было бы странно, если бы этого вообще не случилось, – а то, как именно я, как представитель своего поколения, получаю информацию о новых выпусках. Это походит на классический новостной дайджест. В социальных сетях у многих вошло в правило сообщать о каждом своем публикационном успехе. Можно понять радость авторов от реализации замыслов на страницах индексируемых в уважаемых научных базах журналов. Но не только сами авторы делают свои публикационные успехи достоянием публики. Профильные каналы и сообщества в социальных медиа также считают своим долгом публиковать информацию о выходящих периодических научных изданиях. Пожалуй, всё возрастающее внимание к подобным способам отслеживания динамики научной жизни следует признать важнейшей чертой современного поколения философов. Вероятно, самый крупный и оперативный дайджест новостных событий в мире русскоязычной философии в настоящее время – это телеграм-канал

³ Это обстоятельство можно воспринимать как свидетельство в пользу необходимости публичных мероприятий.

PhilosophyToday, который не обходит вниманием ни одного значимого события в мире русскоязычной философии.

Но для философов важно не только знакомиться с периодикой, но и выстраивать свои публикационные стратегии в зависимости от актуальной ситуации в наукометрии. Насколько я могу судить, наукометрия как один из ключевых факторов дизайна научных исследований для современных ученых получила всеобъемлющее значение в последние десять лет. Слушая разговоры старших коллег, можно было бы сделать вывод, что они были воспитаны в традиции, когда наукометрические ограничения сводились к необходимости нескольких ваковских публикаций для защиты кандидатских и докторских диссертаций. Для меня лично и для многих моих молодых коллег, с которыми я имею удовольствие вместе работать, ситуация принципиально иная. Институциональная структура получения нашего философского образования изначально нацеливала на то, что любое исследование должно быть опубликовано «там, где нужно». Аттестация по некоторым курсам предполагала подготовку публикаций. Реальность философского исследования в таком случае попадает в зависимость от необходимости публикации соответствовать квантифицируемым различными инстанциями переменным. Хотелось бы полагать, что это не накладывает решающий отпечаток на то, как мыслит мое философское поколение, но реальность такова, что, с моей точки зрения, он есть и довольно силен. Возможно, институциональным историкам науки в будущем придется обратиться к этому сюжету. Безусловно, если такие исследования будут востребованы наукометрическими инстанциями того времени. В утешение можно лишь вспомнить мысль Александра Сергеевича Пушкина, которую я когда-то услышал на лекции другого замечательного философа, Владимира Карловича Кантора: «Не продается вдохновение, / Но можно рукопись продать»⁴.

В свою очередь, необходимость соответствовать новым требованиям по публикационной активности меняет саму структуру и содержание периодических изданий. Появляются новые журналы, старые журналы обретают новую жизнь и меняют формат. Ряд классических академических изданий, чувствуя нехватку свободы самовыражения для философского мышления, предлагают специальные выпуски. Как бы то ни было, несмотря на то что «Вопросы философии» и «Логос» продолжают оставаться двумя наиболее престижными научными журналами, «Философский журнал», «Философские науки», «История философии» и ряд других крупных изданий для моего поколения становятся столь же значимыми изданиями. Среди новых интересных журналов, которые попадают в орбиту внимания моих коллег, можно перечислить «Социологическое обозрение», «Ррахета: проблемы визуальной семиотики», «Horizon. Феноменологические исследования», «Галактика медиа: журнал медиаисследований», «Социология власти» и некоторые другие. Все перечисленные журналы выпускают замечательные номера, которые позволяют свободно излагать свою философскую точку зрения в том случае, если она безупречно аргументирована и интересна. Да и к тому же все эти издания индексируются в столь важном сейчас «скопусе».

Продолжая разговор о том, что создает интеллектуальное единство опыта поколения, нужно обратиться к книгоизданию. При этом сразу отмечу, что, несмотря на одержимость западной академией, которая стала общим местом, реальное использование английского языка ограничено. Интенсивность современной жизни такова, что скорость чтения, восприятия и переработки информации накладывает свой отпечаток – на родном языке для моего поколения, не говоря уже о старших коллеггах, работать всё еще намного быстрее. Поэтому издательское дело в России оказывается важным законодателем мод. Если в студенческие годы

⁴ Эта и другие талантливые строки поэта Владимир Карлович с присущим ему мастерством комментирует в работе «В поисках личности: опыт русской классики», которую я с удовольствием прочел в студенческие годы: Кантор 1994.

я часто слышал об издательствах «Праксис» и «РОССПЭН», специализирующихся на философской и в целом гуманитарной тематике, то в последние десять лет наиболее важны два издательских проекта. Это работа Издательского дома «Дело» РАНХиГС и Издательского дома Высшей школы экономики. Колоссальный вклад в философскую – и не только – жизнь страны этих двух проектов связан с очень важным для современной российской философии именем. Насколько мне известно, именно философ, выпускник МГУ и к тому же главный редактор журнала «Логос» Валерий Анашвили стал первоначальным идейным вдохновителем «философских» проектов этих издательских домов. Эстафету в ИД ВШЭ принял доктор философских наук Александр Владимирович Павлов, который поддерживает высочайший уровень социально-гуманитарных серий и предлагает новые стратегии развития.

Книги «Дела» и «Вышки» формировали и продолжают формировать современный интеллектуальный ландшафт России. В пользу того, что именно эти издательства стали знаковыми, говорит то, что их книги часто становятся предметом обсуждения, написания рецензий, да и просто подарками, что, возможно, даже более показательно. Но нас в первую очередь должно интересовать не то, что какая-то институция сумела организовать конкурентную и успешную книжную серию, а то, какие книги попадают в фокус ее внимания. Здесь сразу нужно отметить, что в большинстве своем это переводные работы западных авторов. Здесь прослеживается аналогия с книгоизданием в 90-х, когда свободная от социалистической цензуры книжная отрасль сумела насытить страждущих неиздаваемыми ранее работами классиков. Преимущественно выходили из печати классические работы русских и зарубежных философов. Россия ускоренными темпами нагоняла западную философию. Говоря же о моем поколении, можно указать на то, что интереса к философской западной классике у нее на порядок меньше. В конце концов она просто была доступна во всех удобных форматах во время обучения и, соответственно, лишилась флера чего-то «запретного».

Внимание привлекают те темы, которые, не подразумевая ничего плохого, можно было бы назвать «модными». Хиты «Дела» и «Вышки» часто работают с такими философскими, культурологическими и социологическими сюжетами, как «экономическая история», «институционализм», «феминизм», «потребительская культура», «капитализм», «повседневность», «массовая культура». Трендом в исследованиях, который можно наблюдать и в работах российских молодых философов, стало применение инструментария современной философии к феноменам повседневности и массовой культуры. Любопытно также, что некоторым отечественным авторам также удается получить внимание публики. К примеру, книги философа Дмитрия Узланера, посвященные вопросам постсекулярного и психоанализа (две важные темы для современности), становятся лидерами продаж [см., к примеру: Узланер 2019; Узланер 2021]. Это дополняет тот факт, что «постмодернизация» философских исследований для многих из моего поколения исследователей философии стала данностью [Raab 2020].

Как уже говорилось выше, мой опыт небогат на события в философском мире, поэтому подробно писать о важных конференциях было бы неправильно. Просто-напросто в моей жизни их было не так много, и в реальности я редко сталкивался с тем, что мои молодые коллеги с придыханием говорили о какой-либо из конференций. Скорее всё выглядело как формальность. Но на контрасте с этим я наблюдаю небывалый интерес к философским клубам, ридинг семинарам и публичным дискуссиям. Отличительной характеристикой этих сообществ является большая, чем это принято на конференциях, степень фрагментации и деиерархизация. Это замечание может показаться лишним, особенно учитывая, что тематическое разнообразие конференций и секций велико, но реальность такова, что мне известны регулярные мероприятия, где молодые люди около года читали (по крайней мере пытались) ранние работы Канта на немецком. Представить себе регулярное проведение таких конференций, на которые бы набиралось достаточное количество участников, сложно.

Меня и самого не обошел этот феномен низовой самоорганизации. В студенческие годы я посещал встречи по обсуждению философии кино под руководством Александра Владимировича Павлова. Какой-то фиксированной периодичности не было, не было строгой регламентации, не было даже названия. Постфактум я называю ту форму организации «Киносеминар Александра Павлова». Важно, что было просто интересно. Я до сих пор считаю, что это был один из лучших опытов дискуссий за всё время моего обучения. Уже будучи младшим научным сотрудником, я попробовал воскресить тот опыт в деятельности своего закрытого киносеминара «Плоский круг», на котором обсуждаются важные события в мире популярной культуры и их философские интерпретации. В некотором роде все эти проекты экспериментальные. К примеру, на встречи «Плоского круга» не допускаются профессиональные философы (хотя если философ иронично относится к своей профессии, то почему бы и нет). Приведенные примеры скорее всего характеризуют направление мысли многих из моего поколения. Похоже, что афоризм Ника Ланда «фрагментация – вот единственная стратегия» [Ланд 2018: 53] как нельзя лучше подходит для описания форм (само)организации и самоощущения моего поколения.

Я полагаю, что нельзя сущностно определить круг интересов поколения, тем более что философия многообразна, но рискну заметить, что классические – действительно «вечные» – темы философии претерпевают изменения в соответствии с изменяющейся конъюнктурой. В ряде случаев я бы отнесся к этому иронично: к концу 2020 года пророчества новой эпохи после «коронавируса» изрядно растеряли свое обаяние. Но цифровизация и реакция на культурную повестку дня стали значимыми фактами в философской деятельности. Не только публичные мероприятия, но и монографии реагируют на интерес к культуре и важным темам прогресса науки и техники образованной публики [к пример, см.: Ирвин, Джейкоби 2015; Прощай, COVID... 2020].

Интересно подумать о том, кто становится ключевой фигурой для моего самовольно фрагментированного поколения. По меньшей мере можно выделить несколько типов «ключевых фигур»: во-первых, это те, кто владеет умами поколения, вызывает восхищение своей оригинальностью; во-вторых, это те люди из самого поколения, кто становится заслуженно популярен, приобретает статус публичного интеллектуала; и, наконец, это «ключевые» мыслители прошлого, чьи идеи представляются наиболее отвечающими повестке сегодняшнего дня.

Говоря о первых, можно назвать имена «звезд» от философии, людей, кто не только отличился в области философствования, но и смог при жизни сделать свои идеи популярными. Славой Жижек, Юрген Хабермас, Донна Харауэй, ранее Петер Слотердаик, а сейчас Ник Сриничек, Ник Ланд, Мануэль Деланда и Грэм Харман. Кстати, говоря о фрагментации или, в данном случае, тематизации философии: последние авторы на русском языке чаще всего выходят в еще одном важном издательстве Hyle Press. В нашей типологии к третьему типу ключевых фигур принадлежат Жиль Делёз, Мишель Фуко, Мартин Хайдеггер. Возможно, это утверждение кого-то оставит недовольным, но именно апелляция к идеям этих трех мыслителей на моей памяти чаще всего происходила в дискуссиях самого разного толка.

Сложнее всего определиться с ключевыми интеллектуалами второго типа, а именно с «публичными интеллектуалами». Нетрудно заметить, что мыслью современных поколений российских философов владеет западная теория. Но в роли публичного интеллектуала у носителей языка, погруженных в актуальную культурную повестку страны, слишком много преимуществ, чтобы отдать эту роль на откуп западным или восточным коллегам. Ключевой площадкой для высказывания становится социальная сеть Facebook, где коллеги могут делиться своими наблюдениями. Альтернативные, пусть и специализированные площадки играют вторичную роль, ведь, как правило, о статьях и более развернутых комментариях «там»

читатели узнают из постов и репостов в фейсбуке. Я глубоко убежден, что российские философы очень достойно представлены в этом поле. К примеру, блестящий философ культуры Виталий Куренной сумел адаптировать свой безупречный академический стиль к жанру рассуждения в соцсетях. Другой выдающийся стилист нашего времени, который пишет о философии и повседневности, – это Кирилл Мартынов. Его эксперименты и внимание к актуальной – в том числе и политической – повестке дня вносят неоспоримый вклад в популяризацию отечественной критической мысли и философии. Глубокие эзотерические комментарии Александра Фридриховича Филиппова вселяют надежду, что сложная мысль продолжает быть востребованной читающей публикой. Следует отметить и реплики Александра Маррея, который делится на своей странице реакциями на академическую рутину.

Касаясь вопроса реакции на внешние события, которые могли бы затронуть жизнь философии и определить коллективный опыт целого философского поколения, я склоняюсь к тому, что на жизни нашего поколения такого опыта не было. Ничего сравнимого по воздействию на интеллектуальную жизнь с Первой и Второй мировыми войнами, к счастью, не произошло. Парадокс состоит в том – и пандемия коронавируса прекрасно это иллюстрирует, – что повестка меняется постоянно. Для легитимации своих изменений каждое колебание стремится к модусу «подлинности», тем самым заявляя свою значимость. Здесь фигурирует различие философского призвания и профессии. Философ как профессионал, претендующий на высказывание критического суждения о сюжетах, волнующих общество, должен реагировать на повестку. Но философия переросла погоню за повесткой просто по факту своего смыслового наполнения. Теоретическая ценность концепции нидерландских философов Робина ван ден Аккера и Тимотеуса Вермулена может и должна быть поставлена под сомнение [Павлов 2019: 23–27], но их термин «осцилляция», или мерцание, схватывает нечто невероятно важное в психологической структуре современного субъекта [van den Akker, Vermuelen 2010: 7].

Промежуточными выводами дискуссии о философском поколении стало бы несколько положений. Философия для молодых сейчас фрагментирована, равно как и сообщество самих молодых исследователей. Я вижу в этом параллелизм с аутичным характером тех, кого можно отнести к поколению миллениалов [Радаев 2020: 43–52]. Не научившись, да и не имея необходимости выстраивать прочные социальные связи, миллениалы замкнуты в себе, а социальное взаимодействие с малознакомым и новым является для них стрессовым. Социальность и традиционализм в целом характерны для академического сообщества. Возможно, именно ученые являются самыми настоящими консерваторами в области социальных практик. Моему философскому поколению сложно с этим справиться, потому что его взросление было задано другими смысловыми координатами. Если рассматривать философию как профессию или даже традиционную карьеру, то сложности здесь могут быть такими же, как и у работодателей, стремящихся найти и удержать квалифицированных сотрудников.

Противоположная «неопределенности» в профессии ситуация наблюдается, если мы обратимся к тому, что принято называть «призванием». Мой опыт говорит о том, что все мои молодые коллеги искренне преданы философии и она составляет их жизненный мир. Это вселяет надежду на то, что сложности адаптации к «взрослому миру», к которому «поколение Гарри Поттера» готово лишь условно, будут упразднены искренней любовью к знанию и философскому поиску. В качестве замечательных образцов философской деятельности приведу трех своих коллег – Александра Писарева, Артема Морозова и Бориса Подорогу. Все они оригинальные авторы. Артем и Александр вдобавок первоклассные переводчики. Объему их публикационной активности могут позавидовать многие более старшие коллеги. При этом и Артем и Александр не защитили кандидатские диссертации. И по моему опыту

общения с ними я бы не сказал, что это воспринимается ими как какая-то проблема. Их случай не уникален.

Эти наброски о чертах поколения, его ценностях, сильных сторонах и слабостях задумывались как помощь тому, кто захочет составить свое впечатление о тех философах, которые вступали в академический мир на протяжении 10-х годов XXI века. Возможно, они могут оказаться полезными и тому, кто ставит перед собой задачу понять динамику движения философского сообщества в России. На этом можно было бы и остановиться, но попробуем внести некоторую дополнительную ясность в методологическом смысле. При написании этого материала автором владела убежденность в некоторых закономерностях. Он полагал, что подход к описанию его поколения может быть осуществлен через сравнение с чертами, отличающими миллениалов. Вполне возможно, что теоретическая конструкция в данном случае оказала влияние на те впечатления, которые хотелось бы мыслить, как неотягощенные теоретической рамкой.

Однако же в качестве гипотезы идея найти частные проявления более общих черт, присущих миллениалам, в области философии может пролить свет на некоторые особенности поколения. Похоже, что отсутствие конфликта «отцов и детей», самостоятельность и автономность, незаинтересованность в карьере, отстраненность от сопряженной с профессией социальной жизни, готовность к самоорганизации при нежелании встраиваться в крупные иерархические структуры могут быть обнаружены в социальной жизни поколения современных молодых философов ровно так же, как их фиксируют социологи у миллениалов [Радаев 2020: 157], реализующих себя в других сферах. Фрагментация становится приметой поколения, которое, не желая ни с кем и ни с чем идти на конфликт, стремится реализовать себя. Как бы то ни было, делу философии это не вредит.

Дубровский Д.И. 2009. *Воспоминания. Моим детям, внукам и правнукам.* – 2-е изд., доп. – М.: Канон+.

Ирвин У., Джейкоби Г. 2015. *Игра престолов и философия.* – М.: АСТ.

Кантор В.К. 1994. *В поисках личности: опыт русской классики.* – М.: Московский философский фонд. – 76 с.

Ланд Н. 2018. «Фрагментация – вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом. – *Логос.* – Т. 28. – № 2. – С. 31–54.

Павлов А.В. 2019. *Метамодернизм: критическое введение.* – *Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / Под ред. Р. ван ден Аккера; пер. с англ. В.М. Липки. – М.: РИПОЛ классик. – С. 7–31.

Прощай, COVID... 2020. *Прощай, COVID?* Под ред. К. Гаазе, В. Данилова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Радаев В. 2020. *Миллениалы: как меняется российское общество.* – М.: Издательский дом ВШЭ.

Твенге Дж. 2019. *Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни.* – М.: РИПОЛ классик.

Узланер Д.А. 2019. *Конец религии? История теории секуляризации.* – М.: Издательский дом ВШЭ.

Узланер Д.А. 2021. *Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта.* – М.: Издательский дом ВШЭ.

Casson L. 1999. *Everyday Life in Ancient Rome.* – Baltimore: John Hopkins University Press.

Matz D. 2012. *Voices of Ancient Greece and Rome: Contemporary Accounts of Daily Life*. – Santa Barbara: Greenwood.

Raab N.A. 2020. *The Humanities in Transition from Postmodernism into Digital Age*. – Milton Park: Routledge.

van den Akker R., Vermeulen T. 2010. Notes on Metamodernism. – *Journal of Aesthetics & Culture*. – Vol. 2. – P. 1–14.